

УДК 279.99(470.53)+27-564+27-565.79+392.143+811.161.1'373.23

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ВАРИАНТОВ ЛИЧНЫХ ИМЕН СТАРООБРЯДЦЕВ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВВ.¹

Евгения Владимировна Запольских

младший научный сотрудник Центра этнолингвистики народов Прикамья кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, Сибирская, 24. zapolskih.ev@mail.ru

Статья посвящена типологическому описанию вариантов личных имен старообрядцев Пермского Прикамья XIX – первой четверти XXI вв. общим числом 6948 (всего имянаречений). Варианты представляют разные формы личных имен (церковнославянские, народные), которые зафиксированы в официальной записи (в регистрации рождений метрических книг). Описаны конвертированные, освоенные, унифицированные, контаминированные и трансонимизированные варианты имен. Классификация типов вариантов имен осуществлена с опорой на причину их трансформаций – системный фактор, поскольку языковая система, антропонимическая и агиоантропонимическая подсистемы влияли на трансформацию имен.

Ключевые слова: антропонимы; вариативность имен; типы вариантов имен; старообрядцы; метрические книги; Прикамье.

Введение

Вариант имени – «это видоизменение имени или любого элемента его структуры (фонемы, морфемы, лексемы) в различных языковых ситуациях» (Подольская 1988). Под вариативностью личных имен мы понимаем их способность видоизменяться, т. е. менять свою форму, что проявляется в виде рядов вариантов, которые можно зафиксировать как в синхронии, так и в диахронии (при сопоставлении разных хронологических срезов именника). Вариативность антропонимии напрямую связана с историей языка, его фонетики и грамматики, поскольку видоизменения имен происходили на разных этапах развития языка. Соответственно исследование вариативности личных имен представляет интерес для изучения исторического развития языка, поскольку часто антропонимия, как особый класс лексики, дольше других хранит следы языковых процессов прошлых эпох.

Своей спецификой обладает вариативность антропонимии у старообрядцев – обособленной конфессиональной группы, не принявшей реформы в русской православной церкви сер. XVII в. и вследствие этого разорвавшие с ней связь. Эта специфика обусловлена закрытостью старообрядческой культуры и самобытностью ее традиций наречения. Для вариативности антропонимии старообрядцев характерны такие черты, как насыщенность народными формами имен, их

архаичность и особый статус в книжно-деловой письменности. В связи с этим старообрядческие именословы можно рассматривать как концентрированный и исторически содержательный материал для изучения антропонимной вариативности, что говорит об актуальности нашего исследования.

Вариативность русской антропонимии и ее исторические предпосылки отмечены в работах по истории русского языка у исследователей с кон. XIX в. [Шахматов 1893, Соболевский 1907]. С советских времен данной теме посвящены уже отдельные исследования [Никонов 1969, Суперанская 1969, Успенский 1969, Толкачев 1973, Суслова, Суперанская 1991]. В частности В.А. Никонов пишет об адаптации иноязычных христианских имен и о влиянии на этот процесс ряда факторов, приводящих к вариативности (фонетика языка, антропонимные модели, народная этимология и пр.). В монографии А.В. Суперанской приводится классификация типов вариантов личных имен (орфографические, фонетические, фонологические, морфологические типы). На структуру слога, как на коренную причину фонетических изменений заимствованных имен на почве древнерусского языка, указывает А.И. Толкачев. Б.А. Успенский выделяет две традиции канонического именования – старую «великорусскую» и новую «южно-западную», варьирование которых началось с книжной реформы патриарха Никона. П.Т. Портниковым собраны материалы

для словаря народных форм личных имен [Поротников 1979]. Освещается вариативность региональных именников [Барышникова 1969, Симина 1970, Устинович 1970, Добряк, Поротников 1974], что продолжается в постсоветское время [Алабугина 1996, Семыкин 2000, Скребнева 2008, Кюршунова 2019, Ганжина, Черненок 2020]. А.В. Суперанская составлен обширный словарь народных форм русских имен [Суперанская 2017]. Прикамская специфика народных форм личных имен отражена в работах Е.Н. Поляковой [Полякова 2007, 2010] и И.А. Подюкова (в том числе в антропонимии старообрядцев) [Подюков 2020]. Вариативность региональной старообрядческой антропонимии фиксируется в исследованиях с конца XX в. [Муратова 1994, Кузнецова 2006, Abramowicz 2007, Назаров 2009, Боровик 2019, Ziolkowska-Mówka 2018, Плотникова 2019, Архипова 2021]. Проанализирована вариативность именника старообрядцев Среднего Прикамья начала XX в. [Запольских 2023]. Данная статья является обобщающим исследованием вариативности антропонимии старообрядцев Пермского Прикамья, куда с самого начала раскола церкви в сер. XVII в. на протяжении столетий переселялось большое число последователей старой веры из разных регионов России.

Материал исследования – записи в архивных метрических книгах о рождениях за XIX – первую треть XX вв. (ГАПК, КПОГА) и в метриках современных старообрядческих общин с записями рождений за 1925–2024 гг. Общее число извлеченных из метрик старообрядческих имен – 6948 (с повторами и вариантами), из которых 3378 – это мужские имена, 3570 – женские.

Самая информативная доля именослова – это личные имена из метрик старообрядческих общин (2791 имя или 40% именослова). Собственно руконочно записанные наставниками общин, именно они наиболее точно отражают старообрядческие особенности антропонимии. Примерно тот же удельный вес у личных имен из метрических книг православных церквей (3211 имен или 46% именослова), в которых зафиксированы имена старообрядцев при присоединении «из раскола» к РПЦ. Имена в них записывали священнослужители РПЦ, поэтому православные метрики не точно отражают старообрядческие особенности антропонимии. По записям метрических книг единоверческих церквей РПЦ исследуются имена старообрядцев, перешедших в единоверие, т. е. принявших священство РПЦ (946 имен или 14%).

Современные общины расположены в Лысьве, Очере и Перми. Общины столетней давности наиболее концентрированно представлены в Среднем Прикамье² – это Богородская, Больше-Лысьвен-

ская, Васильевская, Куминская, Мало-Загарская, Морозовская, Очерская, Пермская, Стряпунинская общины (Ильинский, Очерский, Лысьвенский р-ны, Краснокамский муниципальный округ Пермского края и г. Пермь). В Северном Прикамье исследуются Антипинская и Голяшевская общины (Красновишерский, Соликамский р-ны), в Южном – Земплягашская община (Кудинский р-н). Антропонимия присоединенных «из раскола» к РПЦ старообрядцев и единоверцев из православных метрик также распределяется по всему Пермскому Прикамью: в Северном Прикамье (Гайнский, Соликамский, Усольский, Чердынский, Юрлинский и др. р-ны), в Среднем Прикамье (Курашимский завод в Пермском р-не, Лысьвенский завод в Лысьвенском р-не, Рождественский завод в Частинском р-не, Юго-Кнауфский завод в Кунгурском р-не), в Южном Прикамье (Камбарский завод в Камбарском р-не Удмуртии³).

В сословном составе преобладают крестьяне (78%), выделяется прослойка мастеровых и работников заводов (9%) и пр. Разнообразно представлены старообрядческие согласия: австрийцы (РПСЦ, Белокриницкая иерархия), беспоповцы, поморцы, беглопоповцы, федосеевцы, часовенные, странники, единоверцы.

Таким образом, объектом исследования выступают личные имена старообрядцев преимущественно крестьянского сословия из разных согласий (как беспоповских, так и беглопоповских) и общин, которых объединяет проживание на территории Пермского Прикамья, края исторического распространения старообрядчества.

Особенности вариативности личных имен старообрядцев Пермского Прикамья

А.В. Суперанская, описывая вариативность личных имен общерусского именника, строго разграничивает неофициальные формы имен (народные, разговорные, семейные и т.п.) и официальные, подчеркивая, что «официально записанная форма не терпит варьирования» [Суперанская 1969: 171]. Однако это правило не вполне применимо в отношении старообрядческой антропонимии. Старообрядческая традиция допускает вариативность личных имен не только в живой речи или бытовой письменности, но и в книжно-деловой письменности. Записи метрических книг помимо церковнославянских форм имени (менее адаптированных к нормам русского языка) также содержат большое число народных форм (более адаптированных к нормам русского языка): при крещении могли записать как *Агаөія* и как *Огафья*, как *Ксенія* и как *Аксинія*, как *Иларіонъ* и как *Ларіонъ*, как *Мартиніанъ* и

как *Мартемьянъ* и т. д. Такая допустимость описывается на многовековые устои: в Древней Руси в антропонимии действовал принцип допустимой вариативности, когда официальная запись (в богослужебных книгах и летописях) допускала варьирование антропонимов, причем даже в пределах одного текста [Запольских 2023: 149–151]. Отсюда в старообрядческой культуре иное отношение к народным формам имен, которые рассматриваются как допустимые и легитимные для официальной записи в метрики. Иными словами, отличительная черта вариативности старообрядческой антропонимии – это официальный статус народных форм имен. Данное положение вещей подкрепляется отсутствием в старообрядческой традиции единого канона именования: в разных старообрядческих календарях состав поминаемых святых и варианты их имен не тождественны и включают в том числе народные формы. К примеру, имя святого Иамвлиха Ефесского (память 4 августа, 22 октября по старому стилю здесь и далее) в святыцах 1910 г. (КУ) выглядит как *Аливлихъ*, в святыцах 1915 г. (КБ) – *Амблихъ*, в святыцах 1945 г. (КАМ) – *Амелих*, в святыцах 2024 г. (КДКЕ) – *Амблих* (*Иамблих*, *Иамвлих*) и т. д. Отсутствие в старообрядческой традиции единого канона именования можно противопоставить никонианской традиции, где есть единые канонические святыцы с каноническими формами имен святых.

Другой характерной особенностью вариативности старообрядческой антропонимии Пермского Прикамья является насыщенность народными формами имен. Вместе с церковнославянскими формами они образуют длинные ряды вариантов имен: *Мариамия – Маріямія – Mareamia – Mareomia – Mariomia – Mariāmma – Mariamna – Mariyamna – Maremъяна – Maremyяна – Maremъяна – Marimъяна; Семеонъ – Семионъ – Семйонъ – Семень – Симеонъ – Симіонъ – Сѣмеонъ – Сѣмионъ; Евдокіа – Евдокія – Евдакія – Евъдокія – Евъдокія – Едокія – Авдотъя; Пульхерія – Пулхерія – Пулхирія – Полхерія – Полухерія – Полухерья, Агриттина – Агриптина – Агрептина – Аграттина – Огрофена* и т. д. Именники старообрядческих сельских общин Пермской губернии XIX – нач. XX вв. демонстрируют более высокий уровень вариативности (от 21% до 83% народных форм в именниках отдельных общин или 37% в среднем по 10-ти общинам) при сопоставлении с именниками единоверцев (7–8% народных форм) и православных того времени [Запольских 2024: 56]. А.И. Назаров, сравнивая старообрядческий именник Уральского казачьего войска и православный именник Петропавловска первой трети XIX в., также отмечает, что народные (разговорные) формы имен в метриках у ста-

рообрядцев встречаются чаще, а у православных – реже [Назаров 2009: 93].

Еще одна особенность вариативности старообрядческой антропонимии Пермского Прикамья – это архаичность народных форм имен, что выражается в наличии старинных, в том числе реликтовых форм имен, которые в исследуемый период времени уже не были характерными для русского именослова. К примеру, в записях метрик первой трети XX в. (Богородской, Земплягашской, Стряпунинской общин) встречаются формы имен, у которых между согласных – буквы ъ/ь, передававшие до падения редуцированных гласных сверхкраткие звуки: *Евъдокия*, *Евъсий*, *Еръмолай*, *Корынилей*, *Марьфа* и т.д. Эти имена были преобразованы под влиянием общеславянского закона открытого слога еще в старославянском языке [Запольских 2023: 154–156]. Многочисленны мужские имена с преобразованной финалью *-ей<-ии*, которые встречалось в древнерусских текстах: *Артемей*, *Василей*, *Демитрей*, *Корнилей*, *Мерькулей* и т. д. [там же: 152]. Таким образом, стратиграфия вариантов старообрядческих антропонимов по времени их образования (трансформации) простирается вглубь веков – к южнославянским протографам и древнерусским текстам.

Указанные особенности антропонимной вариативности складывались в культуре, которая ориентирована на почитание старых книг, не «оскверненных» справщиками Никона в ходе книжной реформы. Именно поэтому наречение в честь святых по старым богослужебным книгам (по до-реформенным календарям Миней, Часословов, Требников и т. д.), которые содержат большой объем старинных народных форм агиоантропонимов, на многие века определило специфику вариативности старообрядческой антропонимии.

Вместе с тем, такие факторы, как время и городская среда, не остаются в стороне от старообрядческой традиции имянаречения, которая непрерывно развивается. Эти факторы влияют на снижение вариативности антропонимии: в первой четверти XX в. (1908–1918) в городских именниках общин Перми и Очера доля народных форм имен составляет 7% и 11% соответственно (ср. с показателями в 21–83% в сельских именниках старообрядческих общин Пермского Прикамья). Примерно такой же низкий уровень вариативности остается и в современных городских общинах: в метриках Перми – 11% народных форм имен, Очера – 7%. В метриках Лысьвы доля народных форм доходит только до 15%. Снижение вариативности антропонимии связано использованием в городских общинах современных старообрядческих святцев, которые содержат меньшее число народных форм имен в отли-

чие от старых богослужебных книг (в сельской местности доступность современных святцев ниже). Меняется и статус народных форм имен: настоятели современных городских старообрядческих общин Белокриницкой иерархии в Лысьве, Очере и Перми в интервью 2024 и 2025 гг. говорят о необходимости «правильной» записи имен в метрики, что означает запись имени в форме, указанной в современных святцах [Запольских 2025: 144] – преимущественно церковнославянской. В связи с этим можно говорить о том, что в современных условиях развития городского именника старообрядцев Пермского Прикамья выявлена тенденция сглаживания его особенностей (снижение доли народных форм имен и их делегитимизация).

Типы вариантов личных имен старообрядцев Пермского Прикамья

Антропонимная вариативность развивалась в

процессе адаптации иноязычных имен в принимающем языке (старославянском, древнерусском и т.д.) и их функционирования в русском именослове, христианский пласт которого формировался из агиоантропонимии православного календаря. Соответственно вариативность старообрядческой антропонимии развивалась системно: языковая система, антропонимическая и агиоантропонимическая подсистемы влияли на трансформацию личных имен. О влиянии на вариативность личных имен фонетики, лексики (факторов языковой системы), антропонимных моделей (факторов антропонимической подсистемы) писали многие предшествующие исследователи (например, см. [Никонов 1969, Алабугина 1996]). К этому добавим факторы агиоантропонимической подсистемы – контаминацию агиоантропонимов и трансонимизацию календарной онимии (см. Таблицу).

Таблица

Влияние различных систем на антропонимию старообрядцев Пермского Прикамья и типы ее вариантов

Система/подсистема	Системный фактор	Типы вариантов антропонимов
Языковая система	→ Транскрибирование, транслитерация, калькирование	→ Конвертированные
	→ Исторические языковые процессы, образование аллегроформ, народная этимология	→ Освоенные
Антропонимическая подсистема	→ Влияние антропонимных основ и формантов	→ Унифицированные
Агиоантропонимическая подсистема	→ Контаминация агиоантропонимов → Трансонимизация календарной онимии	→ Контаминированные → Трансонимизированные

При определении типов вариантов личных имен мы ориентируемся не на характер трансформаций (данная классификация типов представлена А.В. Суперанская [Суперанская 1969]), а на их причину – системный фактор трансформаций. Рассмотрим влияние каждой системы/подсистемы на трансформации антропонимов и их результаты (типы вариантов имен) отдельно.

I. Языковая система

Христианские имена иноязычного происхождения (греческого, латинского, еврейского и т. д.) встраивались в систему принимающего языка, подчиняясь его законам и нормам. А поскольку язык обладает возможностью различным образом передавать одни и те же факты иноязычной фонетики и орфографии [Суперанская 1969: 172], это приводило к различным результатам адаптации одного и того же антропонима.

На первоначальном этапе адаптации иноязычные имена передавались через транскрип-

цию, транслитерацию и калькирование. Самый частый способ передачи – транскрипция, но отдельные буквы и их сочетания могли передаваться в транслитерации. Например, в транскрипции греч. Μάρθα – это *Марфа–Марта*⁴ (разные варианты передачи греч. θ – тэты), а *Марә* – вариант с транслитерацией тэты славянской фитой: ё<θ; в транскрипции греч. Εὐπράξια – это *Евпраксия*, а *Еупраξія* – вариант с транслитерацией є<ξ, єу<ευ (греч. ευ на момент заимствования имени уже звучал как [εv]) [Толкачев 1973: 258, SJS]. Калькирование – самый редкий способ передачи иноязычного имени путем буквального перевода его значения. Например, имена *Вера*, *Надежда* и *Любовь* – это буквальный перевод греч. Πίστις, Ελπίς и Άγάπη (SJS). Вместе с тем в старых книгах имена этих святых встречались и в транскрипции: *Вист(а)* (описка в<п), *Ел'нида–Алтидъ(а)*–*Сл'ниад(а)* и *Агані(а)–Ани(а)* (ВМЧ). Все эти способы можно обобщенно назвать «конвертацией», что означает передачу ино-

язычного имени в принимающем языке через его фонетику, графику или семантику. В соответствии с этим варианты имен первичной адаптации (транслитерированные / транскрибированные / калькированные) в старообрядческом именословии мы классифицируем как **конвертированные**.

Главной задачей конвертации является передача заимствованного имени близко к иноязычному оригиналу, поэтому такие варианты имен по своей морфологической и фонетической структуре обычно отличаются от слов языка-преемника, воспринимаясь в нем как инородные включения. Примечательно то, что конвертация одного имени может быть вариативной в зависимости от ее вида и разного способа передачи одних и тех же фактов иноязычной фонетики и орографии.

Конвертация имен связана с первым южнославянским влиянием, когда после крещения Руси распространялась славянская письменность, созданная на основе южнославянского диалекта святителями Кириллом и Мефодием, из которой мы получили имена святых. Также нам известно о втором южнославянском влиянии XIV–XVI вв., когда в потоке новой южнославянской литературы русские христианские имена подверглись «исправлению» или «восстановлению» по южнославянским образцам. Имена святых заново транскрибировались, транслитерировались и калькировались с греческого языка.

Появившиеся в письменном церковнославянском тексте конвертированные варианты имен не были еще освоены языком, т.е. не подверглись видоизменениям в народной речи. В антропонимических словарях такие варианты часто идентифицируются как церковнославянские, церковные или полные календарные формы имен. Конвертированные варианты имен составляют большинство в старообрядческих календарях и в прикамском старообрядческом именословии: *Абраамий, Агафія, Дарія, Димитрій, Евгемій, Єремія, Йоаннъ, Любовь, Сисой, Стефанъ, Татіана, Феодоръ* и т.п.

Дальнейшая адаптация имен происходила через их «огранку» в речевой стихии и народном сознании. В антропонимических словарях такие варианты идентифицируются как народные, разговорные, просторечные формы имен, что подразумевает их бытование в живой речи (заметим, что к народным формам относятся и последующие типы вариантов имен, трансформированные под влиянием факторов антропонимической и агиоантропонимической подсистем). В словаре русской ономастической терминологии заимствованные имена, которые в языке-преемнике освоены лексически, морфологически и фонетически, названы **освоенными** [Подольская 1988]. Для

них характерны трансформации разного рода, нередко комбинированные и асинхронные, что говорит об их глубокой интеграции в русский язык.

Основным фактором трансформации антропонимов в системе языка выступают исторические языковые процессы, хронология которых начинается с заимствования имен святых в старославянский язык. Приведем те из них, которые в разное время оказали влияние на дoreформенный русский именослов (с примерами, сохранившимися в антропонимии старообрядцев Пермского Прикамья):

- Действие общеславянского закона открытого слога – имена со вставкой между согласными для «открытия» слогов букв ъ/ь, передававших до падения редуцированных гласных сверхкраткие звуки: *Акинъдин, Аръкадеи, Арътемей, Варьвара–Варьвара, Гевъгения, Георъгій–Георгій, Евъдокія–Евъдокія, Евъсій, Евъсегній–Евъсегній, Еръмолай* и т. п., в том числе с надстрочным написанием: *Авѣтономъ, Анѣна, Евѣдокія, Евѣсевіи*. Преобразования этого типа можно проследить начиная с ранних богослужебных текстов еще южнославянского происхождения, в которых есть те же имена с ъ/ь в тех же позициях, что и в рассмотренных метриках [Запольских 2023: 155], где такие написания имен были данью старой орографической традиции;
- Устранение нехарактерного для славянских языков зияния – имена со стяжением тождественных гласных: *Гаврило* вместо *Гавришъ*, где [i]<[ii], *Аврамъ, Ісаакія* вместо *Абраамъ, Ісаакія*, где [a]<[aa]; имена с упрощением двойных сочетаний гласных: *Денисъ, Димитъ, Семенъ, Федоръ, Федосъ, Федосья, Федотъ* и т. п. вместо *Деонисъ, Диомитъ, Семеонъ* и т. д., где [e]<[eo] / [i]<[io]; имя с упрощением тройного сочетания гласных: *Акимъ* вместо *Іоакімъ*, где [a]<[ioa]; имена со вставкой интервокального согласного: *Георъгий* вместо *Георгий*, где [ego]<[eo], *Андріянъ, Доментіянь, Емеліянъ, Іулияний, Їаковъ, Киприянь, Лукіянь, Маріямія, Мартініянь, Олімпіяда* и т. п. вместо *Андріанъ, Доментіанъ, Емеліанъ* и т. д., где [ija]<[ia], *Іванъ* вместо *Іоаннъ* (через *Іоаннъ*), где [iva]<[iova]<[ioa], *Івойло* вместо *Іоиль*, где [ivoj]<[ioi]. Данные трансформации достаточно частотно и территориально равномерно представлены в старообрядческой антропонимии Пермского Прикамья;
- Упрощение нехарактерных для структуры древнерусского слога групп согласных – имена со стяжением тождественных согласных: *Агей, Генадий, Йоанъ, Калиникъ, Калистратъ, Филипъ* и т. п. вместо *Аггей, Геннадий, Іоаннъ*

- и т. д.; имена с выпадением согласных: *Аксентий*, *Алексадръ* – *Алесадръ*, *Алексадра* – *Алесандра*, *Васились*, *Евланій*, *Елеферій*, *Клеметеи*, *Константінь*, *Ксенефат*, *Лукирія* и т. п. вместо *Авксентий*, *Александръ*, *Василискъ* и т. д.;
- Тенденция к изотональности слогов – имена с межслоговой ассимиляцией по тону: *Аграпина*, *Дементій*, *Ксенефать*, *Нестерь*, *Никиферъ*, *Палагія*, *Фалалей* вместо *Агрипина*, *Доментій*, *Ксенофатъ*, *Несторъ*, *Никифоръ*, *Пелагія*, *Фалелей*;
 - Древнерусская передача *v* (ижицы) – имена *Акулина*, *Анфуса*, *Лукирья*, где первоначальная *v* в именах (из греч. *v* – ипсилон) звучит как [u], вместо *Акилина*, *Анфиса*, *Ликирья*, где более поздний вариант произношения *v* – [i];
 - Древнерусское оканье, которое сохранилось в северорусских говорах, – имена с заменой [o]<[a] вследствие диалектного произношения: *Аностасия*, *Афонасей*, *Афонасія*, *Елизовета*, *Никоноръ*, *Огафъя*, *Огрофена*, *Поросковъя* и т. п. вместо *Anastasія*, *Afanасей*, *Elyzaveta* и т. д.;
 - Исправление чуждой для древнерусского языка фонетики – имена с заменой звука [f], который изначально отсутствовал в древнерусском: *Евгравъ* (<*Евграфъ*), *Їосивъ*, *Матвей*, где [v]<[f], а также *Степанъ*, *Степанида*, где [p]<[f];
 - Падение редуцированных гласных – имена с трансформацией финали -ей<-ий и -ея<-ия в связи с изменением напряженного редуцированного [i] в положении перед [j] [Толкачев 1973: 258, Добряк 1974: 82]: *Антоней*, *Артемей*, *Афанасей*, *Василей*, *Внифантей*, *Григореи*, *Гуреи*, *Демитрей*, *Евгеней*, *Ефимей* и т. п., где [ej]<[ij], и *Пелагея*, *Аскитрея*, *Соломея*, где [eja]<[ija] (здесь же *Афанастій*, *Прокопъи*, *Сергій* и *Ефимія*, *Клавдія*, *Марія*, *Наталя*, *Ефимія* – при смешении e//ї); женские имена с трансформацией финали -ья<-ия в связи с утратой редуцированного [i]: *Агафъя*, *Анастасія*, *Анісія*, *Анастасія*, *Гликерія*, *Дарія*, *Евфросинія*, *Зіновія*, *Ксенія*, *Марія* и т. п., где [ja]<[ija]. Данные трансформации наиболее частотно и территориально равномерно представлены в старообрядческой антропонимии Пермского Прикамья;
 - Оглушение звонких согласных на конце слова после падения редуцированных гласных – имена *Давыть*, *Димитъ*, *Леонить* вместо *Давыдъ*, *Димидъ*, *Леонидъ*;
 - Старорусское оканье, которое сохранилось в южнорусских говорах, – имена с заменой [a]<[o] вследствие диалектного произношения: *Автаномъ*, *Евдакія*, *Ирадион–Радионъ*,

Капеталина, *Фамаїда*, *Якав* вместо *Автономъ*, *Евдокія*, *Іродион* и т. д.

Другим фактором трансформации антропонимов в системе языка была необходимость образования аллегроформ – форм имен в быстрой речи [Суперанская 1969: 123–124], которые сокращались через выпадение фонем и их групп:

- Афerezис (усечение начала): имена *Ларіонъ* (<*Іларіонъ*), *Настасія* (<*Анастасія*), *Сидоръ* (<*Ісидоръ*), *Стафей* (<*Евстафей*), *Філактъ* (<*Феофілактъ*);
- Синкопа (стяжение середины): имена *Евсій* (<*Евсевій*), *Секлітія* (<*Секлітикія*);
- Апокопа (усечение финали): имена с усечением финали -ий, воспринимаемой формообразующим аффиксом, – *Антонъ*, *Ефимъ*, *Епіфанъ*, *Ермъ*, *Макаръ*, *Назаръ*, *Парфенъ*, *Пахомъ*, *Потапъ*, *Софронъ* и т.д.

Отдельную роль в трансформации антропонимов в системе языка сыграл семантический фактор – стремление осмыслиТЬ непонятное значение иностранных имен, т.е. народная этимология. Имена подвергались декомпозиции по семантическим аналогиям: *Веденикть* (ср. *ведать*) вместо *Венедикть*, *Костенкинъ* (ср. *костенки*, *кости*) вместо *Константинъ*, *Селиверстъ* (ср. *село*, *верста*) вместо *Сильвестръ*, *Февруса* (ср. *февраль*) вместо *Фервуса*, *Филинцата* (ср. *філин*) вместо *Фелицата*. Декомпозиция осуществлялась в основном через метатезу (*Веденикть*<*Венедикть*: -ден-<-нед-, *Февруса*<*Фервуса*: -вр-<-рв-), а также через выпадение и вставку согласных фонем (*Костенкинъ*<*Константинъ*: выпадение [n], *Филинцата*<*Фелицата*: вставка [n]), субSTITУЦІЮ фонем (*Костенкинъ*<*Константинъ*: [e]<[a], [k']<[t']) и ассимиляцию гласных (*Филинцата*<*Фелицата*: -или-<-ели-).

II. Антропонимическая подсистема

Появившись на Руси, христианские имена должны были встраиваться в местную систему дохристианских имен, и еще несколько столетий они существовали параллельно (резкое сокращение дохристианских имен отмечается только в XVII в.). В то же время во взаимодействие друг с другом приходили заимствованные имена. Так взаимодействия приводили к внутрисистемному выравниванию имен по одному типу – к адаптации под влиянием антропонимных основ и формантов. Результатом этих процессов была унификация групп антропонимов, т.е. «приведение имен собственных к единой системе, форме (к единобразию)» [Подольская 1988], поэтому в старообрядческом именнике мы классифицируем такие варианты имен как **унифицированные**.

Унификация имен в антропонимической подсистеме под влиянием антропонимных формантов приводила к морфологическим трансформациям:

- Влияние славянского форманта финали *-ило* (как в славянских именах *Судило*, *Будило*, *Гостило* и т.д.) – имена с трансформацией финали *-ило/-йло<-иль/-иль*: *Гаврило*, *Ермило*, *Ивойло*, *Кирило*, *Михаило–Михайло* вместо *Гавриль*, *Ермиль*, *Иоиль* и т. д.;
- Влияние славянского форманта финали *-ей/-ѣй* (как в славянских именах *Малей*, *Поздей*, *Вепрѣй* и т.д.) – имена с уже упомянутой трансформацией финали *-ей/-ѣй<-ий*: *Антоней*, *Василей*, *Прокопѣй* и т. п., поскольку их адаптация могла протекать многофакторно;
- Влияние славянского форманта финали *-ань* (как в славянских именах *Губан*, *Ждан*, *Лобан* и т. д.) – имена с трансформацией финали *-ань<-онъ*: *Конан*, *Тиханъ* вместо *Конон*, *Тихонъ* (<греч. Κόνων, Τύχον (SJS));
- Влияние форманта финали *-ина* (как в именах *Агрипина*, *Марина*, *Ирина* и т. д.) – имя *Домнин* с заменой финали *-ина<-ика* вместо *Домника*;
- Влияние форманта финали *-ида* (как в именах *Зинаида*, *Ираида*, *Стеванида* и т. д.) – имя *Антонида* с заменой финали *-ида<-ина* вместо *Антонина*;
- Влияние флексии христианских имен *-ий/-ей*, воспринятой как антропонимный формант, – имена с заменой финали *-ий/-ей<-ъ/-а*: *Климентій*, *Кондратій*, *Силантей*, *Фокій* вместо *Климентъ*, *Кондратъ*, *Силан (Силуанъ)*, *Фока*;
- Влияние флексии христианских имен *-ъя (-ия)*, воспринятой как антропонимный формант, – имена с заменой финали *-ъя<-а*: *Валентинъя*, *Христинъя* вместо *Валентина*, *Христина*.

Также имена унифицировались под влиянием антропонимных основ, в связи с чем происходила гиперкоррекция:

- Восприятие групп согласных *нт/нд/ндр* как структурно опорных в христианских именах [Суперанская 1969: 181] – имена со вставкой «недостающих» согласных: *Арсентей*, *Андріанъ – Андреянь*, *Внифантій*, *Мелентій*, *Сілантей*, *Плантонида* вместо *Арсений*, *Адріанъ*, *Внифатій* и т. д.;
- Восприятие групп фонем *евф/еф/ев* как эквивалентных в христианских именах – имена с варьированием *евф/еф/ев*: *Евтихій – Ефтихій* вместо *Евтихій*, *Евросінія – Ефросинія* вместо *Евфросінія*, *Ефрасія* вместо *Евфрасія*, *Ефімія* вместо *Евфімія*, *Ефімій* вместо *Евфімій* (ср. с *Евафрест – Еварест*, *Ефст-*

рат – Евстрат, Евросим – Ефросин – Евфросин в словаре [Суперанская 2017]);

- Уподобление по фонетической близости – имя *Полухерья* (ср. *Полуян*, *Полуект*, *Полукарп*) вместо *Пульхерія*, а также уже упомянутое имя *Селиверстъ* (ср. слав. *Селимир*, *Селислав*, *Селибор* и т.д.) вместо *Сильвестръ*, поскольку его адаптация могла протекать многофакторно.

III. Агиоантропонимическая подсистема

Под агиоантропонимической подсистемой мы подразумеваем совокупность агиоантропонимов, способ их организации (дни памяти святых годового круга) и совокупность агиографических источников (календари-святцы, Минеи, Прологи и т. д.). Традиция имянаречения в честь христианских святых по именам календаря, отмененная после революции 1917 г., непрерывно сохраняется в старообрядчестве. Поэтому агиоантропонимическая подсистема не только влияла на именослов в момент его наполнения христианскими именами, но и взаимодействовала с ним на протяжении столетий: к календарю обращаются каждый раз при выборе имени.

Результатом такого взаимодействия являются **контаминированные** имена, которые появились вследствие наречения в честь таких христианских святых, имена которых или отдельные компоненты их именных формул подверглись смешению. Примеры прикамских старообрядческих имен, появившихся в результате контаминации агиоантропонимов:

- *Марковей* – это смешение агиоантропонимов, которое появилось вследствие почитания святого *Маркелла Маккавея* (1 августа), два компонента именной формулы которого (личное имя *Маркелль* и родовое имя *Маккавей*) сомкнулись в одно имя по схеме *Марк- (<Маркелль) + -вей (<Макка-вей)*;
- *Евпроксіня* – это смешение агиоантропонимов *Евпраксія* и *Евфросінія*, которое появилось вследствие почитания святой *Евфросинии Полоцкой* (25 июня), в житии которой упоминается имя ее двоюродной сестры и ближайшей соратницы – *Евпраксії*, что могло спровоцировать смешение этих имен по схеме *Евпро-(<Евпрак-сія) + -синія (<Евфро-синія)*.

Другим примером влияния агиоантропонимической подсистемы на именослов выступают имена, появившиеся вследствие трансонимизации – перехода онима одного разряда в другой [Подольская 1988], поэтому мы классифицируем такие варианты имен как **трансонимизированные**.

Подобные примеры антропонимов в русском именослове отмечал еще В.А. Никонов, характе-

ризуя их как «анекдотичную» форму ошибочной адаптации имен, при которой указанные в календарях сведения о должности или происхождении святых – их прозвища – принимались за личные имена и использовались в наречении. Так прозвище по должности святого Федора *стратилата* ('полководца') дало жизнь имени *Стратилат*. Аналогична история происхождения у имени *Нотарий*, которое переводится как 'канцелярист' [Никонов 1969: 73]. Попавшим в русский антропонимикон «по недоразумению» В.И. Супрун называет имя *Воин*, которым нарекали по именинам мучеников Зосимы Апологииадского Воина (19 июня) и Иоанна Воина (30 июля), у которых *воин* – это прозвище по деятельности [Супрун 2023: 14].

В нашем именослове к данному типу относится имя *Макавей*, наречение которым было совершено по именинам 1 августа, когда празднуется память семи братьев *Маккавеев* (по имени их предка Иуды Маккавея). Родовое имя *Маккавей*, указанное в календаре, перешло в разряд личных имен (ср. отантропонимные фамилии *Маккавеев*, *Макавенко*, *Макавеин* и т. д.).

Еще один случай – переход календарного экклезионима – названия «места совершения обряда, места поклонения любой религии» [Подольская 1988] – в разряд антропонимов вследствие ошибочного принятия его за агиоантропоним. По именинам 22 февраля именем *Евгений* названа старообрядка 1910 г.р. Формулировка в календаре на эту дату «Обрѣтеніе мощей св. м-къ въ Евгениі» (КУ) (т. е. празднование обретения мощей мучеников, найденных у *Евгениевых ворот* в Царьграде, где впоследствии был построен храм) могла сбить с толку и спровоцировать наречение по названию священного места обретения мощей (*«Евгениі»* – форма экклезионима, которая похожа на классическое календарное упоминание имени святого в родительном падеже).

Результаты

Исследование показало, что вариативность антропонимии у старообрядцев Пермского Прикамья XIX – первой четверти XXI вв. обладает своей спецификой, которая обусловлена закрытостью старообрядческой культуры и самобытностью ее традиций наречения. Среди ее характерных черт: насыщенность народными формами имен, их архаичность и официальный статус в книжно-деловой письменности. Данные черты определило наречение в честь святых по старым богослужебным книгам (по дореформенным календарям Миней, Часословов, Требников и т.д.), тексты которых содержат большой объем старинных народных форм агиоантропонимов. В современных условиях развития городского именника старообряд-

цев Пермского Прикамья выявлена тенденция сглаживания его особенностей (снижение доли народных форм имен и их делегитимизация).

Вариативность старообрядческой антропонимии развивалась системно: языковая система, антропонимическая и агиоантропонимическая подсистемы влияли на трансформацию личных имен. Разные системные факторы (конвертация имен, исторические языковые процессы, образование аллегроформ, народная этимология, влияние антропонимных основ и формантов, контаминация агиоантропонимов, трансонимизация календарной онимии) определили разные результаты трансформации антропонимов. Классификация типов вариантов имен включает конвертированные, освоенные, унифицированные, контаминированные и трансонимизированные варианты прикамских старообрядческих имен.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-00314 «Ономастический портрет современного промышленного региона».

² Деление Пермского края на историко-этнографические зоны (Северное, Среднее и Южное Прикамье) производится по классификации А.В. Черных [Черных 2020: 12–13].

³ Камбарский район Удмуртии (Камбарская волость) по административно-территориальному делению в Российской империи XIX в. находился в составе Осинского уезда Пермской губернии.

⁴ Имя *Марта* не встречается у прикамских старообрядцев. Оно приведено здесь в качестве примера вариативной конвертации, которая встречается в самых ранних старославянских текстах: Зографское, Мариинское четвероевангелие, Ассеманиево евангелие, Саввина книга и пр. Греческая тета, звука которого не было в славянском языке, при конвертации могла передаваться разнообразно славянскими фонемами и буквами (был даже вариант *Марха*).

Список источников

ВМЧ – Минеи-Четыи митрополита Макария. [В 12 т.: сентябрь–август], сер. XVI в. // Государственный исторический музей. Инв. № Син. 986–997.

ГАПК – Государственный архив Пермского края. ф. 37, 352, 420, 719. Метрические книги.

КАМ – Старообрядческий церковный календарь на 1945 г. Издание Старообрядческой архиепископии Московской и всея Руси. М.: 1-я Образцовская тип. треста «Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР. 40 с.

КБ – Старообрядческий календарь на 7423–7424 лето. М.: Изд-во Моск. Старообр. Братства Честного и Животворящего Креста Господня, 1915. 58 с.

КДКЕ – Православный старообрядческий церковный календарь на 2024 г. Ростов-на-Дону: изд. Донской и Кавказской епархии. 162 с.

КПОГА – Коми-Пермяцкий окружной государственный архив. ф. 19, 21. Метрические книги.

КУ – Старообрядческий месяцеслов-календарь. Уральск: Изд-во Уральской Старообр. тип., 1910. 92+XXIV с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Полякова Е.Н. Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков. Пермь: Изд. дом Бывальцева, 2007. 464 с.

Поротников П.Т. Материалы для словаря вариантов русских личных имен. I–II // Вопросы ономастики. 1979. № 13. С. 5–28. 1982. С. 90–115.

Суперанская А.В. Словарь народных форм русских имен. М.: «ЛИБРОКОМ», 2017. 368 с.

SJS – Slovník jazyka staroslovenškého. Sv. 1–4. Lexicon linguae palaeoslovenicae / hl. red. J. Kurz, Z. Hauptová. Praha: Nakl. Československé Akad. Věd, 1958–1997.

Список литературы

Алабугина Ю.В. Календарное имя в севернорусских говорах // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. трудов / отв. ред. М.Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. Вып. 1. С. 91–96.

Архипова Н.Г. Антропонимы в речевой практике старообрядцев Южной Америки // Ономастика Поволжья: мат-лы XIX Междунар. науч. конф., посвящённой 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В.И. Даля, Оренбург, 11–12 ноября 2021 г. / ОГПУ. Оренбург: Оренбургская книга, 2021. С. 90–95.

Барышникова Э.Д. Трансформация личных собственных имен иноязычного происхождения и уменьшительные формы от них в говорах Кировской области // Уч. зап. Уральск. гос. ун-та. Филология. 1969. Вып. 8, № 80. С. 68–74.

Боровик Ю.В. Личные имена новорожденных в екатеринбургских старообрядческих общинах начала ХХ в. // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 30–47.

Ганжина И.М., Черненок М.Ю. Личные имена и прозвища средневековой Твери // Ономастика Поволжья: мат-лы XVIII Междунар. науч. конф. Кострома, 9–10 сент. 2020 г. В 2 т. Т. 1 / науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова; Кострома: КГУ, 2020. С. 263–270.

Добряк А.А. Диалектные явления в ономастической лексике нижнетагильских памятников деловой письменности XVIII–XIX вв. // Вопросы ономастики. 1974. № 7. С. 80–86.

Добряк А.А., Поротников П.Т. Варианты полных личных имен в составе фамилий жителей Верхотурского и Нижнетагильского районов Свердловской области // Вопросы ономастики. 1974. № 8–9. С. 57–76.

Запольских Е.В. Вариативность именника пермских старообрядцев Среднего Прикамья начала XX в. // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 3. С. 144–163.

Кузнецова Я.Л. Исетские старообрядческие имена в современном языковом сознании: структура, семантика, прагматика (на материале Первой всероссийской переписи 1897 г.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 17 с.

Кюриунова И.А. Личное имя как антропонимическая презентация человека в документах Карелии XV–XVII веков // Научный диалог, 2019. № 9. С. 123–129.

Муратова Е.Ю. Именник старообрядческой общины на территории Миорского района Витебской области: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1994. 21 с.

Назаров А.И. Именник старообрядцев-поповцев земли Уральского казачьего войска // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 81–99.

Никонов В.А. Русская адаптация иноязычных личных имен // Ономастика / ред. В.А. Никонов, А.В. Суперанская. М.: Наука, 1969. С. 54–78.

Плотникова А.А. Заметки о региональной антропонимии староверов Латгалии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 48–60.

Подюков И.А. Формы личного имени в пермской диалектной речи // Социо- и психолингвистические исследования, 2020. Вып. 8. С. 132–137.

Полякова Е.Н. История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII веках. Пермь: ПГУ, 2010. 280 с.

Семыкин Д.В. Антропонимия Чердынской ревизской сказки 1711 года: К проблеме становления официального русского антропонима: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2000.

Симина Г.Я. Бытовые варианты личных имен (по материалам древних письменных памятников и современной антропонимии Пинежья) // Антропонимика / ред. В.А. Никонов, А.В. Суперанская. М.: Наука, 1970. С. 189–194.

Скребнева Т.В. Антропонимная вариативность: проблемные вопросы, специфика проявления в региональном именнике // Вестник Польского гос. ун-та. Гуманитарные науки, 2008. № 7. С. 236–243.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М.: Унив. тип., 1907. 309 с.

Суперанская А.В. Структура имени собственно-го. Фонология и морфология М.: Наука, 1969. 207 с.

Супрун В.И. Русская и болгарская антропонимические системы: к проблемам сопоставитель-

ной ономастики // К юбилею Зои Кузьминичны Шановой. XXVII Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики: Сб. мат. СПб.: ООО «Издательство ВВМ», 2023. С. 10–20.

Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Изд. 3-е, испр. и доп. Л.: Лениздат, 1991. 220 с.

Толкачёв А.И. Основные факторы фонетических изменений в заимствованных греко-христианских именах в древнерусском языке // Славянское языкознание. VII Междунар. съезд славистов. Варшава, 1973. М.: Наука, 1973. С. 252–271.

Толкачев А.И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. III. // Этимология, 1976. М.: Наука, 1978. С. 112–135.

Успенский Б.А. Никоновская справа и русский литературный язык (Из истории ударения рус-

ских собственных имен) // Вопросы языкоznания. № 5. 1969. С. 80–103.

Устинович А.К. Мужские личные имена в Гродненских и Брестских актах XV–XVII вв. // Антропонимика / ред. В.А. Никонов, А.В. Суперанская. М.: Наука, 1970. С. 262–266.

Черных А.В. Традиционный костюм народов Пермского края. Русские. Мужская одежда. СПб: Изд-во «Маматов», 2020. 540 с.

Шахматовъ А.А. Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1893. 317 с.

Abramowicz Z. Imiona chrzeſcijańskie staroobrzędowców polskich (charakterystyka fonetyczna) // Białostockie Archiwum Językowe, 2007. № 7. Pp. 17–28.

Ziolkowska-Mówka M. System antroponimyczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce / M. Ziolkowska-Mówka. Toruń: EIKON, 2018. 469 p.

TYPOLOGICAL DESCRIPTION OF PERSONAL NAME VARIANTS OF OLD BELIEVERS OF PERM PRIKAMYE IN THE XIX – FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURIES

Evgeniya V. Zapolskikh

Junior researcher, Philological Faculty

Perm State Humanitarian Pedagogical University

The paper is devoted to the typological description of 6948 personal name variants among the Old Believers in Prikamye from the 19th to the first quarter of the 21st centuries (a total of naming). These variants represent various forms of personal names (Church Slavonic and popular name forms) recorded in official records (in birth registers of metric books). Converted, adopted, standardized, contaminated and transonymized name variants are described. The classification of name variant types is based on the cause of their transformations – a systemic factor – since the linguistic system, anthroponymic and hagioanthroponymic subsystems influenced name transformations.

Key words: anthroponyms; variability of names; types of name variants; Old Believers; metric books; Prikamye.